

Морская летопись

МОРЯКИ

**ОЧЕРКИ
ИЗ ЖИЗНИ
МОРСКОГО ОФИЦЕРА
1897–1905 гг.**

Г.К. Граф

Гаральд Карлович Граф
Моряки. Очерки из жизни
морского офицера 1897-1905 гг.
Серия «Морская летопись»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6003632

*Моряки. Очерки из жизни морского офицера 1897-1905 гг. / Г.К. Граф.:
Вече; Москва; 2012*

ISBN 978-5-4444-0479-9

Аннотация

Имя Гаральда Карловича Графа хорошо известно всем, интересующимся историей Русского флота. Он прославился не морскими сражениями с неприятелем (хотя и их было достаточно), не изобретениями или научными открытиями, не путешествиями, как многие и многие офицеры, а своими мемуарами. В книге Графа перед читателями предстает яркая картина повседневной жизни морских офицеров предреволюционной России. Хороший литературный слог, живая память, прекрасная наблюдательность, способность несколькими штрихами дать характеристику сослуживца – все это поставило труды Г.К. Графа в число лучших книг о Русском флоте конца XIX – начала XX века.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	37
Глава четвертая	45
Глава пятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Г. К. Граф
Моряки. Очерки
из жизни морского
офицера 1897–1905 гг.

©Емелин А.Ю., послесловие, примечания, 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Было 7 часов утра. Толпа мальчишек-подростков высыпала во двор дачи, в которой помещался пансион Антонины Лаврентьевны М. (Мешковой. – *Примеч. ред.*)¹, в местечке Шувалово, под Петербургом. Антонина Лаврентьевна уже много лет вполне успешно подготавливала к экзаменам в Мор-

---

¹ Мешкова Антонина Лаврентьевна, урожд. Мейер, дочь архитектора. Ее мужем был Сергей Владимирович Мешков (03.02.1858—19.01.1910), выпускник Морского училища (1879), большую часть своей жизни прослужившей в училище (с 1886 по 1910 г.), произведенный в генерал-майоры по Адмиралтейству с увольнением от службы накануне кончины (18.01.1910). В эмиграции бывшие воспитанники Корпуса вспоминали: «Нельзя не остановиться на трех братьях, всецело посвятивших себя Корпусу, о которых у многих и многих сохранились воспоминания, как о близких людях. Это были братья Мешковы. Старший, Николай Владимирович, был талантливым преподавателем и редким по уму, образованию и благородству. Он был воплощенное спокойствие. На выпускки, с которыми он плавал в качестве “корпусного офицера”, он имел громадное влияние, особенно когда ему приходилось плавать с гардемаринами. Менее ярок был второй брат Алексей, который рано умер. Но третий – Сергей, по прозвищу “Пенза” (сокращение прозвища – Пензенский Ямщик), был особенно популярен. Огромного роста, с рыжей бородой, громким голосом, легко воспламеняющийся и немного грубоватый, но с мягкой душой. Он любил Корпус, любил кадет и уж знал каждого наизусть. Когда нужно, бывал строг и его побаивались, но понимали и любили. У его почтенной жены, Антонины Лаврентьевны, такой же огромной, как и он, был летом пансион, где готовили мальчишек к вступительным экзаменам в Корпус. Держала она своих питомцев в ежовых рукавицах, и учили там на совесть!» (Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701–1951. Париж, 1951. С. 178).

ской корпус.

Мальчиков поставили во фронт и повели на вокзал. Сегодня был знаменательный день, день вступительного экзамена в младший класс или, как говорили, в 4-ю роту. Все нервничали, но подтрунивали друг над другом и старались храбриться. Настроение создавалось бодрое и веселое. Среди этих мальчиков был и я. Хотя я и не происходил из морской семьи, но меня всегда привлекала морская служба, она была моей мечтой. Что именно меня влекло, я не мог себе объяснить, тем более что моря не знал и даже никогда не видел. Не знал я, конечно, и всей сущности морской службы. Но меня тянула, чисто инстинктивно, стихия, люди, которые всю жизнь служат на кораблях, все их интересные приключения, о которых я уже успел прочитать. Привлекала и форма морского офицера, такая отличная от других и красивая своею простотой. Мне было жалко мальчиков, которые не стремились поступить в Морской корпус.

Но вот поезд довез нас до Петербурга, а финляндский пароходик по Неве быстро домчал до Васильевского острова, как раз к пристани против Морского корпуса. Все поспешно с серьезными лицами вышли на набережную, вошли в подъезд, поднялись по широкой лестнице и вошли в классный коридор с бесконечным числом дверей. Первыми предстояли письменные экзамены, и для этого всех отвели в одну из больших ротных зал, в которой были расставлены столы и скамейки.

Кому не приходилось переживать волнений перед экзаменами, когда наступает последний момент и экзаменаторы входят в класс! Как замирает сердце, когда раздают бумагу для письменных работ или начинают вызывать к доске. У кого не екало сердце, глядя на серьезные и важные лица экзаменаторов, которые в этот момент кажутся какими-то священными особами и оттого особенно страшными...

Всех экзаменующихся было около 100 человек. Нас рассадили по алфавиту, так что пришлось сидеть рядом с незнакомыми мальчиками. Один из экзаменаторов начал диктовать, а мы быстро за ним записывали. Головы усиленно работали, чтобы на свои места посадить предательские «ять», не забыть поставить на конце правильно «я» или «е» и вообще превозмочь все трудности правописания, которые далеко не всем одинаково давались. Время летело быстро, и мы не заметили, как диктовку окончили. Дали ее прочесть, но лучше бы этого и не делали, так как при чтении все казалось неверным, и зачастую верное переправлялось на неверное.

Затем дали короткий перерыв, и начался экзамен по арифметике и алгебре. Всех разбили на две смены и раздали задачи. Задачи были нетрудные, но от волнения тяжело было собраться с мыслями, и цифры как-то путались. Тройное правило, пропорции, корни квадратные, уравнения с одним и двумя неизвестными – все это угрожало перепутаться и положительно выйти из повиновения. Я кончил задачи одним из первых и, хотя чувствовал, что их решил не совсем

правильно, боялся, чтобы не вышло еще хуже.

Первый день экзаменов, и притом еще очень серьезных, закончился. Мы все повеселели и оживленно делились между собой впечатлениями, сверяли ответы, вспоминали ошибки, пеняли на себя за рассеянность и утешались, что авось до удовлетворительного балла дотянем. Всем дышалось легче, точно гора с плеч скатилась, и только некоторые сидели пригорюнившись, так как определенно знали, что провалились, а среди них были и такие, которые держали экзамен уже второй, а то и третий раз. Особенно помню одного, очень неспособного мальчика, который сдавал их уже третий раз. Он сильно заикался и был некрасив, за что мы его прозвали «мафукой». При всем старании он не мог преодолеть школьной премудрости, и все его усилия пропадали даром.

За математику я был спокоен, а вот по диктовке уверенности совсем не чувствовалось: она у меня всегда прихрамывала, и тут можно было срезаться. Ну, авось! Надежда не умирала.

Когда мы вернулись в пансион, Антонина Лаврентьевна учинила нам строгий допрос: кто что, как написал и решил, и тут уж не стеснялась в комплиментах вроде: «дуб стоеросовый», «мозги вывихнуты», «я так и знала, что из вас ничего не выйдет и зря на вас деньги тратят», и т. п.

За этим днем быстро полетели дни других экзаменов и особенно промежутки между ними, когда все старались наскоро повторить то, что, казалось, знали слабее. Это было

жаркое время, и сама Антонина Лаврентьевна и все учителя с раннего утра и до позднего вечера не давали нам вздохнуть, и мы сживали за уроками по десять часов.

Здесь нельзя не вспомнить и саму Антонину Лаврентьевну М. Это была, несомненно, замечательная в своем роде женщина: высокого роста, очень полная, с красивыми, чисто русскими чертами лица, энергичная и властная, она ярко напоминала легендарный тип русской помещицы-барыни, которая умела управлять своими крестьянами, и все перед ней трепетали. Каких только сорванцов и лентяев не было у нее в пансионе, а она умела не только заставить себя слушаться, но и прилежно учиться. Целыми днями М. наблюдала за занятиями. Она преподавала русский язык и часто доводила до отчаяния своих учеников, заставляя их по четыре-пять раз переписывать диктовки, в которых было много ошибок. Когда увещания и слабые наказания не действовали, она, не задумываясь, прибегала и к физическому воздействию, которое выражалось тем, что она неожиданно подходила к провинившемуся и пребольно драла его за уши, в присутствии всего пансиона. Мы, конечно, ее за эти качества очень боялись и... уважали. Полагаю, что многие из нас только благодаря ей вышли в люди и сделались полезными офицерами.

Хотя М. круглый год держала пансион, но особенно усиленные занятия происходили летом. Большинство отдавали детей только на это время, чтобы «натаскать» к экзаменам, да и долго держать в пансионе многим было не по средствам.

Летний курс длился три месяца, и за это время мы не имели, кроме воскресений, да и то для тех, кто хорошо учился, свободных более двух-трех часов в день. В эти часы нас обычно посылали гулять или купаться.

Этот период был очень тяжелым испытанием, но мы всегда вспоминали и вспоминаем Антонину Лаврентьевну с глубоким уважением и благодарностью за ее выдающуюся добросовестность во взятом на себя деле².

---

² Еще одно интересное мемуарное свидетельство о том же пансионе оставил Ф.В. Северин, поступивший в Морской кадетский корпус в 1893 г.: «Для верности, что я с успехом выдержу экзамены, родители поместили меня сперва в приготовительный к вступлению в Корпус пансион. Таких пансионеров в то время было несколько, и я был устроен на летние месяцы в пансион лейтенанта Мешкова. Сам Сергей Владимирович Мешков был в плавании, и его пансионом руководила его жена, Антонина Лаврентьевна, при сотрудничестве одного или двух учителей. Пансион находился в Шувалове, по Финляндской железной дороге, недалеко от озера того же названия. Нас, пансионеров, было 26 мальчиков в возрасте 12–14 лет. Дача была настолько просторная, что мы свободно в ней размещались. Заниматься приходилось основательно – с утра до обеда, затем перерыв до 2-х и снова до 5 вечера, а затем подготовка уроков. Антонина Лаврентьевна занималась с нами по русскому языку и по истории, а ее помощники натаскивали нас по математике. Кормили нас очень хорошо – обильно и сытно. За столом председательствовала Антонина Лаврентьевна, причем рядом по обе ее стороны сидели обыкновенно два самые отчаянные шалуна – один Штюмер (сын будущего премьер-министра), а другой Сенявин. Когда они, несмотря на соседство с Антониной Лаврентьевной, продолжали свои шалости, то она просто их брала за уши и драла, приговаривая: “Этакое животное...” Укладывались спать в 9, а к 10 часам должны были спать; это, однако, бывало редко, чаще всего устраивались бои подушками; в этом случае она вытягивала из кровати замеченного и ставила в угол на полчаса. По субботам, после 12 часов, мы могли уезжать к родителям до воскресенья. В летнее время в Шувалове много дачников и вообще было очень оживленно; конечно, всюду были ларьки со сладостями и лимонадом.

Уже довольно многие провалились на экзаменах, но я пока удачно миновал «подводные камни» и продолжал успешно «выгребать». Мне было труднее, чем многим товарищам, так как я окончил только второй класс гимназии, а для поступления в 4-ю роту требовалось знание программы трех классов, а по некоторым предметам и четырех, так что в пансионе пришлось за три месяца пройти полный курс 3-го класса. Да и по летам я был самым молодым, и мне только в декабре исполнялось 13 лет. Но желание поступить в Корпус помогало преодолеть все трудности, а подчас и лень, и усталость.

Вот наконец и последний экзамен сдан и объявлены отметки за письменные работы. Я все благополучно выдержал. Мое ликование трудно сейчас описать. То-то героем теперь можно будет вернуться домой и поважничать перед братом и сестрами. Шутка ли: кадет Морского кадетского корпуса, 4-й роты! Наверное, вновь назначаемые министры не чувствуют такой важности, как чувствовал ее в то время я. Вот только несколько огорчало, что еще придется ходить без формы.

Помню, с каким удовольствием, возвращаясь в воскресенье вечером в пансион, мы покупали в ларьке у вокзала шоколадную колбасу. Мне кажется, что в дальнейшей своей жизни мне не приходилось есть такого вкусного шоколада. Перед экзаменами, что бывало около 15 августа, темп занятий в пансионе усиливался, а перед каждым письменным испытанием мы проделывали нечто вроде проверочного экзамена. Припоминаю очень ясно, что на письменном экзамене по арифметике мне попались задачи совершенно схожие с теми, что нам дали решать в пансионе накануне самого экзамена» (*Северин Ф.В.* В Морском корпусе (1893–1899 гг.) // Военно-исторический вестник. 1965. № 26. С. 27–28).

Но форма скоро будет!

Глава вторая

Десять дней, оставшихся до начала занятий в Корпусе, пролетели как сон. Настал день явки в Корпус – 1 сентября 1898 г.³ В последний момент стало немного жутковато: ведь как-никак нам придется подчиняться военной дисциплине, иметь дело со столькими мальчиками, жить целую неделю вне дома и все время находиться под надзором офицеров.

Корпус встретил новых питомцев очень приветливо. Ротный командир подполковник Д. (Данчич Арсений Михайлович. – *Примеч. ред.*)⁴ был добрый, спокойный и снисходительный начальник. Другие офицеры тоже оказались не слишком страшными, и вся наша шумная молодая компания почувствовала себя свободно и сразу перестала стесняться. Даже начали острить по поводу немного кривых ног одного

---

³ Вновь принятые кадеты явились в Корпус 02.09.1898. Сбор – в 10 утра, в 11 ч. – молебен в церкви, затем в Столовом зале – завтрак с музыкой, в 14 ч – начало занятий (см. приказ по Морскому кадетскому корпусу № 170 § 7 от 01.09.1898).

⁴ Данчич Арсений Михайлович (20.01.1856–1927?), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (03.09.1913), переведен по флоту (05.08.1913). Окончил Морское училище (1877). С 1883 г. – в Морском училище (Морском кадетском корпусе), в т. ч. с 23.09.1884 – младший, с 27.09.1891 – старший отделенный начальник, с 06.12.1895 по 16.06.1903 – ротный командир. С 16.06.1903 – инспектор мореходных учебных заведений, с 23.05.1916 – член Совета министра торговли и промышленности. По данным эмигрантов, убит в 1927 г. по дороге на Соловки.

дежурного офицера лейтенанта П. (Попов. – *Примеч. ред.*)⁵ и прозвали его «циркулем». Прозвище это так за ним и утвердилось.

Нас долго выстраивали во фронт по ранжиру и распределяли номера коек, шкафов, конторок и т. д. Как только все это кончилось, начались шум, беготня, а кое-где и драки.

Для классных занятий нас разделили на пять отделений, так как принято было около 125 человек. Такой прием в 4-ю роту был произведен оттого, что Морское ведомство приступило к постройке большого числа новых кораблей и нужда в офицерах предвиделась большая.

Номера давались нам по росту, т. е. самый высокий – правофланговый – имел номер первый и так далее. Рост связывал нас как во фронте, так и в столовой. Только в учебном отношении распределение по отделениям было сделано по успешности выдержанных экзаменов, так что самое последнее отделение состояло из наиболее слабых по познаниям.

Затем много времени пошло на переодевание новичков с

---

⁵ Попов Андрей Андреевич (06.09.1866—?), капитан 1-го ранга (10.04.1911). Окончил Морское училище (1887). В прикомандировании к Морскому кадетскому корпусу (с 15.09.1895), младший отделенный начальник того же Корпуса (16.08.1896—12.08.1902). Старший офицер крейсера I ранга «Баян» в период обороны Порт-Артура (с 18.03.1904). Старший офицер учебного судна «Верный» (1905–1906), командир миноносца «Заветный» (1906), флагманский интендант штаба командующего 1-м отрядом минных судов Балтийского моря (1907–1908), командир эсминца «Донской казак» (1908–1909). Исполняющий должность (и. д.) начальника Морского музея имп. Петра Великого (12.11.1911–1917).

ног до головы, на пригонку шинелей, брюк, голланок⁶, фуражек и т. д. Но как шинели, так и голланки оказались без погон, а фуражки – без кокард и ленточек, так что мы несколько напоминали арестантов. В таком виде предстояло ходить до корпусного праздника, который был 6 ноября. До этого дня нас усердно учили отданию чести – проходя и становясь во фронт. Все старались делать отчетливо, чтобы на испытаниях не провалиться и не остаться еще на некоторое время без погон. Для нашего обучения были приглашены унтер-офицеры лейб-гвардии Финляндского полка, которые усердно обучали нас военной выправке.

Вначале меня многое поражало в Корпусе, и я проникал к нему все большим уважением. Само здание было большим и величественным, с длинными коридорами, огромной столовой и светлыми обширными ротными помещениями. Чудные картины морских сражений в картинной галлерее, роскошный аванзал, музей с массой интересных вещей, бриг «Меркурий»⁷ в столовой и зеркальное окно, выложенное мрамором, с датами посещения Корпуса Императором Николаем Павловичем, когда он сидел на этом окне и разговаривал с кадетами, – все казалось таким интересным и красивым. Образцовая чистота и порядок, хорошая пища и

---

⁶ «Голланка, голландка – рубаха из фланели или парусины. Носится военными моряками рядового и младшего начальствующего состава. Г. из фланели чаще называют фланелевой рубахой или же просто фланелевкой» (*Самойлов К.И. Морской словарь. Т. 1. М. – Л, 1939. С. 254*).

⁷ Правильно – «Наварин».

одежда.

Кормили нас, безусловно, недурно, и хотя и не слишком разнообразно, но очень сытно, и все приготавливалось из доброкачественных продуктов. Мы каждый день получали к завтраку или обеду рубленые котлеты или зажаренное кусками мясо и на третье блюдо вкусные пирожные, нередко служившие предметом мены или расплаты за какие-нибудь услуги. Сервировка была тоже хорошая: серебряные вилки и ножи, квас подавался в больших серебряных кубках по одному на каждый конец стола; скатерти и салфетки всегда чистые. За столом прислуживали дневальные.

Огромное здание Морского корпуса выходило на набережную, между 11-й и 12-й линиями Васильевского острова, и тянулось еще далеко по этим линиям. Здание было очень старинное, освященное веками, и трудно было даже себе представить, сколько воспитанников прошло через его стены и сделалось морскими офицерами. Конечно, как и все такие здания, оно имело и свои легенды.

Запомнилась особенно одна, поразившая молодое воображение: один кадет, кем-то подговоренный, должен был во время корпусного бала устроить покушение на чью-то жизнь. Для этого он предполагал забраться на чердак над столовой и там перепилить цепи, которые держали потолок, так как огромная столовая была совершенно без колонн. Очевидно, рассчитывали, что от колебаний, вызываемых большим количеством танцующих, потолок рухнет и

погребет под обломками всех находящихся там. Но когда этот воспитанник забрался на чердак, то его кто-то обнаружил, потому что он забыл закрыть за собой входную дверь, которая обычно была на замке. Захваченный с поличным и немедленно арестованный, он в ту же ночь покончил с собой, и, по преданию, его призрак ежегодно, накануне 6 ноября, бродил по чердаку над столовой. Не знаю, что в этой легенде правда и что вымысел, но мы в нее верили и всегда стремились проверить, действительно ли призрак бродит по чердаку.

Особенно нам нравились бесконечно длинные коридоры, по которым приходилось много раз в сутки нестись в классы. Самым длинным и прямым был классный коридор, пересеченный посередине совершенно круглым компасным залом. Пол этого зала представляет картушку компаса, с нанесенными румбами, и замечателен был тем, что, когда кадет выгоняли из классов за плохое поведение, их ставили на эти румбы до окончания данного урока.

Уроки начинались в 8 часов 10 минут утра, и потому нас будили около семи. Утреннее вставание было самым неприятным моментом: в спальнях еще только затапливали печи, зимой было совершенно темно, и вдруг слышаться неприятные резкие звуки горна, игравшего «побудку». Через пять минут уже появлялся дежурный офицер, а за ним дежурный унтер-офицер и фельдфебель роты. В первый раз они обходили спальни и только покрикивали. Особенно ленивые де-

ляли вид, что встают, но, как только должностные лица проходили, они сейчас же опять заваливались. Через десять минут начинался второй обход, и тут уже спящим приходилось хуже – с них сдергивали одеяла, а кто и после этого оставался на кроватях, тех записывали и потом наказывали.

В 7 ч. 30 мин. начиналась гимнастика, а без четверти восемь шли пить чай с французской булкой. Ровно в восемь возвращались в роты и отправлялись по классам.

Кроме дежурных офицеров для присмотра за кадетами из двух гардемаринских рот назначались фельдфебель и человек 10–12 унтер-офицеров. Это были лучшие по учению и поведению гардемарины, и они всегда жили среди нас и только на уроки ходили по своим классам. В самой младшей роте мы питали к ним большое почтение, но чем становились старше, тем их авторитет обычно падал.

Нашими преподавателями были частью офицеры, а частью учителя гимназий и других учебных заведений; по иностранным языкам преподаватели были преимущественно из Училища правоведения или Лицея.

В те времена преподавательский состав по качеству оказался весьма разнообразным, и наряду с выдающимися педагогами встречались довольно слабые; у них, конечно, мы учились плохо и предметов почти не знали. Таким образом, в значительной степени все зависело от того, к какому преподавателю попадешь. Если он сам серьезно относился к своим обязанностям и умел обращаться с кадетами, то они хорошо

учились, и, наоборот, у плохого ровно ничего не делали.

Вообще же тогда в Корпусе царил дух довольно большой распушенности, и особенно трудно было с нами справляться штатским преподавателям, которых мы, конечно, считали много ниже военных и потому их не слушались и изводили. Благодаря этому некоторые преподаватели за долгие годы так привыкли к нашему отношению, что, казалось, на все махнули рукой и только отбывали номер.

Морской корпус в те времена был очень своеобразным учебным заведением. Он существовал уже два века и за это время переживал и периоды расцвета, и периоды полного упадка. За эти два века в нем выработались особые обычаи и традиции, которыми, по-видимому, пропитались даже стены, и их выветрить было почти невозможно. Хотя в Корпус ежегодно поступали новые воспитанники и каждая рота была совершенно отделена от другой, но и одного воздуха было достаточно, чтобы новички быстро проникались «корпусным духом» и через два-три месяца оказывались такими же, как и их предшественники.

Мы все любили Корпус и им чрезвычайно гордились, но в то же время питали какое-то инстинктивное неуважение к своим воспитателям – корпусным офицерам. Морской офицер, бросивший службу на флоте и перешедший в Корпус, уже одним этим фактом как бы сразу лишался уважения. У нас, кадет, да, в сущности, и на самом флоте, корпусные офицеры считались много ниже плавающих. Надо все-таки

отметить, что это имело и некоторые основания, так как среди корпусных офицеров были такие, которые уже по 20–30 лет не плавали на боевых кораблях и совершенно отстали от строевой службы. По-видимому, даже высшее морское начальство перестало считать их настоящими морскими офицерами и дало им сухопутные чины и на погонах черные просветы заменило белыми.

Была еще одна «особенность» в Корпусе: воспитанники считали как бы унижительным для себя военную выправку, отчетливое отдавание чести, согласно требованиям Устава, и хождение во фронте, «как в пехоте». Вообще ничто не должно было напоминать подтянутости сухопутных военных училищ. «Настоящий» кадет Морского корпуса должен был иметь вид весьма независимый, несколько расхлябанный, ходить вразвалку и честь отдавать небрежно, так сказать, походить на морского волка. Между прочим, из-за плохого отдания чести сухопутные офицеры, в особенности гвардейские, относились к нам враждебно и часто придирались на улицах. Никакие строгости не могли побороть эту закваску, да, впрочем, в то время и не очень энергично боролись с этой расхлябанностью и подчеркнутой небрежностью: начальство как будто свыклось с таким положением вещей. Сам директор Корпуса контр-адмирал К. (Кригер. – *Примеч. ред.*)⁸ мало вникал в его дела и в воспитание «вверенных

---

⁸ Кригер Александр Христианович (17.11.1848—24.04.1917), вице-адмирал в отставке (01.08.1905). Окончил Морское училище (1868). Командовал импе-

ему» будущих офицеров, и все шло по «добрым старым порядкам», по инерции. В то же время, конечно, такие замашки оставляли свой след в нашем воспитании и отражались в будущем на отношении к службе.

Вообще, нельзя не сознаться, что в тот период Корпус переживал времена упадка и положение настоятельно требовало реформ. Это сознавалось всеми, и в последние годы моего пребывания в Корпусе даже сам Государь Император обратил внимание на плохую постановку воспитания и через генерал-адмирала Великого Князя Алексея Александровича сделал суровое внушение нам и всему нашему начальству. Скоро после этого был назначен и новый директор со специальной целью – Корпус подтянуть.

Да и действительно, так дальше продолжаться не могло: флот требовал все большее количество офицеров, и быстрое увеличение его количественного состава часто выдвигало вновь произведенных офицеров на очень ответственные должности, и они должны быть к ним подготовлены. А в сте-

---

раторской яхтой «Царевна» (1886–1888), крейсерами I ранга «Рында» (1892–1894), «Рюрик» (1894–1896). Являлся морским агентом в Германии (1888–1892), командующим учебным отрядом судов Морского кадетского корпуса (1897–1899), начальником Морской академии и директором Морского кадетского корпуса (1896–1901), командующим отрядом судов в Средиземном море (1901–1903), старшим флагманом (1904), начальником (1905) Практической эскадры Черного моря. Уволен в отставку в связи с «медлительностью и нерешительностью», проявленными, с точки зрения императора, при подавлении мятежа команды эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический». Прошение о возвращении на службу, поданное 12.4.1907, было отклонено императором.

нах Корпуса то и дело происходили разнообразные скандалы: кадеты были плохо дисциплинированы, небрежно относились к занятиям и устраивали всякие неприятности воспитателям и преподавателям.

Почти во всех учебных заведениях учащиеся устраивают скандалы начальству и ленятся, однако это не мешает обычно учению и хорошей подготовке по специальностям, у нас же в Корпусе эти неизбежные отрицательные явления превратились в систему и оттого приносили определенный вред.

Я помню целый ряд проделок, которые доставляли нам много удовольствия, и мы ради них готовы были нести даже суровые кары. Излюбленным местом таких «бенефисов» была столовая. Здесь собирались кадеты и гардемарины четыре раза в день: для утреннего и вечернего чая, завтрака и обеда, и, благодаря присутствию всего Корпуса, такие «спектакли» могли выходить эффектнее и в них могло участвовать сразу несколько рот.

Например, чтобы поизводить дежурных офицеров, иногда роты сговаривались между собой после еды, когда их поставят во фронт и скомандуют: «Такая-то рота на право шагом марш», то, вместо того чтобы спокойно идти шагом, роты начинают шаг постепенно ускорять и переходят в бег. Дежурные офицеры попадали в глупое положение и не знали, бежать ли им вдогонку или стараться роту остановить криками, а тем временем она уже скрывалась в коридоре. Также соглашались во время ходьбы стучать в такт каблуками, и это

создавало страшный шум, или вся рота демонстративно растегивала воротники голланок, что строго запрещалось. Зачинщиками чаще всего были старшие гардемарины, которые пользовались известными льготами, и у них не было отдельного дежурного офицера.

Иногда устраивались и более крупные скандалы, и их объектом зачастую бывал один из ротных командиров, полковник А. (Анцов Николай Спиридонович. – *Примеч. ред.*)⁹, в сущности, очень добрый человек, но по натуре вялый и флегматичный. За бесцветные глаза и сонный вид его прозвали «судаком» и изводили каптенармусом Поросенковым, так как он часто, приходя в роту, громко звал этого каптенармуса и очень смешно, на французский лад, произносил «Поросенков».

Так вот, к заранее назначенному дню, когда полковник А. дежурил по Корпусу, заправились запасались детскими воздушными шарами и тайком проносили к обеду в столовую. Во время обеда, пока полковник А. разгуливал между столами, из какого-нибудь конца выпускали эти шары с привязанным к ним бумажным судаком. Шары медленно подни-

---

⁹ Анцов Николай Спиридонович (23.07.1856—?), генерал-майор по Адмиралтейству в отставке (30.01.1906). Окончил Морское училище (1876), Артиллерийский офицерский класс (1881). После 12 лет службы в строю в 1888 г. перевелся на службу по Адмиралтейству в чине капитана. В чине подполковника по Адмиралтейству (17.04.1894) служил ротным командиром МК (с 03.06.1895). После отставки с женой содержал пансион по подготовке к поступлению в Морской корпус. В 1920–1922 гг. заведующий минным кабинетом, в 1923–1924 гг. – заведующий кабинетом мин заграждения и тралов Морской академии.

мались к потолку под неистовый хохот всего Корпуса. От неожиданности сам А. и дежурные офицеры сразу не могли принять никаких мер, и приходилось звать дневальных, и те тащили огромную лестницу, так как потолок был очень высок. Пока происходило ее передвигание, от движения воздуха шары отгонялись в сторону, и их ловили длинными половыми щетками. Процедура длилась долго – к огромному удовольствию кадет и смущению начальства.

Помню я также очередной скандал, который устраивало несколько поколений 3-й роты одному дежурному офицеру по прозвищу «вошь». Это прозвище он получил оттого, что был маленького роста и имел привычку, когда делал замечание, чесать бороду на щеке и причмокивать.

Этой злополучной жертве нашего озорства доставалось ежегодно в один и тот же день много неприятностей. Обычно к этому дню запасались хлопушками, которые при ударе обо что-либо издавали сильный треск. В день «бенефиса», после вечерней молитвы, все послушно шли спать и даже делали это слишком послушно, что, очевидно, замечалось бедным капитаном С.

Приблизительно в 10 часов дежурные офицеры должны были обходить спальни, чтобы убедиться, что все улеглись спать. Вот в этот-то момент, когда капитан С. был на середине длиннейшей спальни, внезапно тушилось электричество; со всех сторон начинали взрываться хлопушки, и по его адресу сыпалась отборная ругань, и повторялось в бесчислен-

ных вариациях прозвище «вошь».

Застигнутый темнотой далеко от выхода, С., конечно, с трудом оттуда выбирался, находясь все время, так сказать, под обстрелом. Затем появлялись дневальные, которые зажигали свет, но уже все кадеты смиренно лежали по своим койкам, как ни в чем не бывало. Немедленно вызывался ротный командир, нас заставляли одеваться, ставили во фронт, и начинался разбор. В результате – полный карцер и много сидящих без отпуска на продолжительные сроки. Тем не менее на следующий год такой же бенефис «вше» опять повторялся, пока он наконец не покинул Корпус и не перешел на службу в другое ведомство.

В той же 3-й роте был замечательный дежурный офицер полковник Г. (Герашеневский Зиновий Николаевич. – *Примеч. ред.*)¹⁰, мужчина уже за 40 лет, огромного роста, мощ-

---

¹⁰ Герашеневский Зиновий Николаевич (30.10.1858—?), полковник по Адмиралтейству в отставке (24.12.1907). Гардемарин (1881), произведен в офицеры (1882). Младший (с 18.10.1891), старший (03.06.1895—01.07.1902) отделенный начальник Морского корпуса (МК). Зачислен на службу по Адмиралтейству (20.09.1900) капитаном со старшинством с 01.01.1895. Помощник начальника (01.07.1902–1904), и. д. начальника (26.01.1904–1906), начальник (07.02.1906–1907) приморского торгового порта в г. Мариуполь. О нем же вспоминал князь П.П. Ишеев: «Надо ли говорить, что среди наших корпусных дежурных офицеров были личности достопримечательные. К одной из них принадлежал лейтенант Г-кий, по прозвищу “Обалдуй”. Оно отлично подходило к нему, но кроме этого “Обалдуй” отличался еще большой грубостью и любил кричать своим громоподобным голосом. Над ним-то Муся и решила подшутить. В те далекие, невозвратимые времена, в объявлениях “Нового Времени” были длинные столбцы лиц, искавших работу. Особенно: кучера, лакеи и дворники. Им-то, повторяю, по со-

ной фигуры, с длиннейшей черной с проседью бородой и при этом забавно картавивший. Он был добродушный человек, с весьма непосредственной натурой, но не отличался умом – совсем дитя природы. Мы, да и целый ряд наших предшественников, учли это качество и метко прозвали «обалдуем». Его очень любили изводить, в особенности оттого, что он легко этому поддавался или, по-нашему, «травился».

Однажды несколько сорванцов решили над ним особенно позабавиться. Когда все улеглись, около 12 часов ночи Г. тоже лег спать на диван в дежурной комнате и снял с себя виц-мундир и саблю, надел пальто и убавил свет. Тогда кадеты поставили ряд табуреток у двух дверей дежурной комнаты и из одной громким шепотом стали звать: «Обалдуй, обалдуй, вставай, ротный командир идет». Г. уже успел заснуть и со сна только и разобрал, что идет ротный командир. Живо вскочил, схватился за саблю и стал застегивать портупею. В этот момент из обеих дверей раздался громкий смех и

вету Муся, мы и написали груды открыток, вызывая их, в одно и то же время, на квартиру “Обалдуя”. Жил он в том же этаже, недалеко от Барыковых, и мы могли отлично наблюдать за происшедшим. Представляете ли вы себе, что делалось в назначенный час у двери квартиры Г-го? Десятки обманутых людей обрывали звонок, кричали, ругались, не стесняясь в выражениях, требовали вернуть им за проезд. “Обалдуй”, как говорится, рвал и метал. На другой день, после этого события, Г-кий, будучи дежурным и подозревая меня в этой проделке, говорил мне, между прочим: “Сознайтесь, что это сделали Вы, Ей-Богу, я Вам ничего не сделаю”. Но на эту удочку я не поймался» (Ишеев П.П., князь. Муся. Из воспоминаний кадета Морского кадетского корпуса // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. СПб., 2003. С. 66).

крики: «Надули обалдуя», и шалуны врассыпную бросились бежать.

Сообразив, что его обманули, Г. страшно рассердился и как был, с саблей в руке, бросился за ними. В темноте наткнулся на заграждение из табуреток, которые с шумом попадали, что его еще больше рассердило, и он со страшным ревом и руганью бросился в спальню, где всех разбудил. Его же обидчики уже мирно лежали под одеялами и дружно храпели. Еще долго Г. в бешенстве метался по спальне и старался определить, кто устроил над ним такое издевательство.

В этот день дежурным по Корпусу был наш ротный командир, и он как раз в это время случайно зашел в роту, и дежурный дневальный прибежал к Г. доложить. На этот раз сомнений не было, это действительно шел ротный командир, и Г. бросился в дежурную комнату, чтобы захватить треуголку и идти его встречать, но треуголки там не оказалось, так как она была запрятана, и ему пришлось подойти с рапортом с обнаженной головой. В этом же духе бывали проделки, устраиваемые нами преподавателям, и особенно доставалось штатским, а главным образом иностранцам.

Был у нас француз Г. (Гризар Иван Львович. – *Примеч. ред.*)¹¹, уже старик, всегда франтовато одетый в сюртук морского покроя и весьма гордившийся своим чином статского

---

¹¹ Гризар Иван Львович (1852—?), действительный статский советник (18.04.1910). Штатный преподаватель французского языка в Морском корпусе с 30.09.1894. В начале 1920-х гг. по-прежнему преподавал в Военно-морском училище.

советника. Так что мы его называли «votre excellence». Он, по-видимому, очень боялся простуды, а столик для преподавателей приходился близко от окна с форточкой, и когда он входил в класс, то первым делом подбегал к ней и пробовал, хорошо ли закрыта задвижка. Потом быстро садился на свое место, раскрывал журнал и отмечал, кого из кадет нет на уроке. Это обстоятельство и было нами учтено, и однажды задвижку обмазали чернилами, и когда француз схватился за нее, он вымазался, но не заметил этого сразу и, как обычно, сел и открыл журнал, отпечатав на нем свои пальцы. Возмущению Г. не было пределов, он вскочил и сказал: «Господа, это свинство, я у вас не могу остаться» и быстро ушел к инспектору классов и больше уже в этот урок к нам не пришел. Конечно, мы были сурово наказаны и потом перед ним извинялись.

Иностранным языкам, к большому сожалению, мы учились чрезвычайно плохо, хотя именно нам, будущим морякам, это было важно, в наших же интересах. Не то что преподаватели были плохи, наоборот, среди них имелись и очень хорошие, но как-то уж так повелось, что на преподавание языков мы смотрели как на какую-то проформу, выполнением которой следует пренебрегать. Как-то наш англичанин, у которого мы ровно ничему не учились и только над ним издевались из-за его плохого знания русского языка, вдруг перед Рождеством заикнулся, что необходимо сделать письменную работу на полугодовой балл, причем он предполагал

диктовать русские фразы, а мы их должны были писать по-английски. Такая проверка знаний никак не входила в наши расчеты, так как мы языка почти не знали, но все имели лучшие баллы, и работа, конечно, выказала бы полное наше невежество. Сначала весь класс искренне возмущался и старался его уверить, что никаких письменных работ нам не полагается делать и даже запрещено. Но это не помогло, так как оказалось, что сам инспектор классов посоветовал англичанину работу сделать. Следовательно, приходилось как-то выворачиваться, и мы решили обмануть его, т. е. заранее заготовить на английском языке несколько фраз, их переписать на соответствующие листки бумаги и по окончании урока подать их англичанину вместо тех фраз, которые он собирался нам продиктовать. Во время же урока будем только делать вид, что пишем. Как решили, так и сделали, и англичанин был очень доволен, что весь час прошел совершенно гладко.

Мы рассчитывали, что он проделки нашей не заметит, поскольку у всех будут одинаковые фразы, и забудет, какие именно фразы он нам диктовал, так как их выдумывал тут же на уроке. Наш расчет оказался совершенно правильным, только мы пожадничали и все написали работу почти без ошибок. Вот это-то и подвело, так как англичанин отлично знал, что многие этого никак сделать не могли, и благодаря этому заметил, что фразы были другие. Недолго думая, он пошел жаловаться к инспектору, что его обманули, и тот

приказал работу повторить. В субботу, когда все уже ушли в отпуск, она была повторена, и тут уже пришлось действовать начистоту, потому что это явилось неожиданностью, да и англичанин зорко следил. Но зато мы же ему и отомстили, и во время урока стоял такой шум и был такой беспорядок, что англичанин, наверное, долго не забывал этого часа.

Среди офицеров-преподавателей частенько от нас доставалось преподавателю алгебры и теоретической механики подполковнику М. (Михайлов. – *Примеч. ред.*)¹². Это был человек небольшого роста, весьма кроткой наружности, всегда державший свою маленькую головку набок и обладавший нежным картавящим голоском. За эти качества мы его прозвали «куропаткой», что его очень обижало, и, когда на уро-

---

¹² По свидетельству В.А. Белли, прозвищем «Куропатка» гардемарины наградили А.Н. Михайлова, преподававшего у них дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическую геометрию, затем – теорию корабля. «Преподавал он хорошо, просто, доходчиво, задиктовывал важнейшие положения. Большой любитель музыки и сам музыкант, он был какой-то странный с виду, застенчивый, неловкий. Прозвали его “Куропатка”. А.Н. Михайлов знал это прозвище и говаривал: “Называйте меня, как хотите, ну, львом, тигром, но только не этой мерзкой птицей!”. Я сохранил об А.Н. Михайлове самые лучшие, теплые воспоминания. Умер он в Ленинграде в преклонном возрасте в 1930-х гг. Сколько я знаю, он был совершенно одинокий человек» (*Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 70*). Михайлов Александр Николаевич (29.03.1866—?), полковник по Адмиралтейству за отличие (06.12.1910). Окончил Морское училище (1886), гидрографическое отделение Николаевской морской академии (1890). С 15.05.1895 – младший отделенный начальник Морского кадетского корпуса, с 28.04.1897 – его штатный преподаватель. В 1898 г. переведен из строевых офицеров в чины по Адмиралтейству. Воспитатель детей великого князя Константина Константиновича («К.Р.»).

ке раздавались звуки, напоминающие воркование куропатки, или кто-нибудь картавя произносил «куропаточка», он страшно изводился. Так доведенный до бешенства, он закричал: «Называйте меня львом, тигром, леопардом, но только не куропаткой», чем, конечно, доставил нам огромное удовольствие¹³.

---

¹³ А вот как изобразил сцену на занятиях у А.Н. Михайлова талантливый писатель русского морского зарубежья А.В. Зернин, закончивший Морской корпус в 1911 г.: «Тщедушный и немного кривобокий, он давно покинул строй для академии, целиком ушел в преподавательскую работу и лишь по штату носил погоны полковника по Адмиралтейству. Душою он был тих и безобиден. Но, узнав, что его зовут “Куропаткой”, он вдруг не на шутку огорчился и просил переменить прозвище, предпочитая “Льва” или “Тигра”. Но язык юношества меток и остер. На “Льва” или “Тигра” никак нельзя было согласиться. Чтобы сделать ему какую-нибудь уступку, его стали звать просто “Птицей”. Но все это за глаза, конечно. Официально он оставался, как всегда, “господин полковник”. Басицкий не успел собрать всех перьев. Одно из них, взлетев к потолку, зацепилось за абажур электрической лампы. Теперь оно соскользнуло и, плавно качаясь в воздухе, медленно спускалось преподавателю на стол. Взоры всего класса, прикованные к перу, описывали, следуя за ним, кривую ниспадавшей амплитуды, пока, наконец, перо не село на стол. “Птица” в этот момент делал обычные записи в журнале и ничего не видел. Тогда сидевший на передней парте дунул изо всех сил, чтобы угнать перо подальше, но оно, вспорхнув, село “Птице” на рукав. Частью испуганные, частью готовые прыснуть, гардемарины украдкой переглядывались между собой. В классе царил мертвая тишина. “Птица” кончил писать и поднял глаза.— Прошу, господа, желающих к доске, в каком вам угодно порядке. Взгляд полковника скользнул по рукаву. Заметив перо, он машинально смахнул его и, лишь несколько секунд спустя, точно с грустью задумался о чем-то. Гардемаринам стало вдруг не по себе. В юных сердцах, у всех единодушно, проскользнуло доброе чувство. Захотелось сделать полковнику что-нибудь приятное, и все были наказаны тем, что ничего нельзя было сделать» (Зернин А.В. Гардемарины. СПб., 2012. С. 4–5).

Доставалось также преподавателю кораблестроения, ученому инженеру Ш. (предположительно, Шершов. — *Примеч. ред.*)¹⁴, который немного заикался, и это заикание особенно проявлялось в начале урока. Например, когда он собирался что-либо говорить о постройке броненосцев, то сразу никак не мог сказать «броненосец», и у него выходило «бр... бр... броненосец», так мы его и прозвали «бр... бр... броненосец». Особенно для него трагичным был урок, когда он объяснял спуск корабля со стапеля и доходил до торжественного момента обрубания канатов, которыми держались на месте салазки, после чего корабль на них начинал медленно скользить вниз. По церемонии настоящего спуска при этом оркестр играл «Боже Царя храни...», караул брал «на караул», и присутствующие кричали «ура». Ну и мы, желая поставить бедного Ш. в глупое положение, все сразу вскакивали с мест, пели гимн и кричали «ура». Он же, будучи человеком застенчивым и деликатным, решительно не знал, как нас остановить в этом патриотическом порыве. После же того как это было проделано в нескольких отделениях, он стал объяснять спуск корабля перед самым концом урока и, когда

---

¹⁴ Шершов Александр Павлович (26.07.1874—07.05.1958), инженер-вице-адмирал (24.03.1944), профессор (1930). Окончил Техническое училище Морского ведомства (1895), кораблестроительный отдел Николаевской морской академии (1898). Служил в чертежной С.-Петербургского порта (1899–1903), кораблестроительном отделении Морского технического комитета (1903–1910), Главном управлении кораблестроения (1911–1912), наблюдал за постройкой кораблей. Автор многих научных работ и известной книги «История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней» (1940).

раздавался звонок, быстро хватал журнал и убегал из класса.

Много курьезов происходило и с нашим корпусным батюшкой, весьма заслуженным стариком протоиереем Б. (Белявский Капитон Васильевич. – *Примеч. ред.*)¹⁵, человеком ученым и серьезным, но которого за его огромный рост, тонкую фигуру и жиденькую бородку мы прозвали «козой в сарафане». На уроках обычно кто-либо старался вступить с ним в богословский диспут, и старик скоро так увлекался, что весь час говорил и никого не успевал спросить. Он не любил иноверцев, и, чтобы занять батюшку, подговаривали кого-нибудь из них задать ему вопрос о различии вероисповеданий. Если такой иноверец начинал слишком отстаивать свою веру, батюшка в конце концов изводился и кричал: «Молчи, еретик» и к тому же иногда прогонял из класса. Или ему задавали какие-нибудь казуистические вопросы, в особенности из Ветхого Завета. Сначала он не замечал, что это делается с целью поиздеваться, и терпеливо разъяснял, но затем, поняв, в чем дело, страшно сердился и под крик: «Молчи, пес смердящий» выгонял провинившегося из клас-

---

¹⁵ Белявский Капитон Васильевич (1833—03.12.1912), митрофорный протоиерей. Из семьи священнослужителя. После Смоленской духовной семинарии учился в С.-Петербургской духовной академии, окончил в 1857 г. со степенью кандидата и в следующем году определен учителем в Александро-Невское духовное училище. В 1860 г. возведен в степень магистра и в 1861 г. рукоположен в священники к церкви Св. Спиридона при СПб. Елизаветинском училище с назначением законоучителем в этом училище. В 1872 г. переведен к церкви Морского училища на должность священника и законоучителя, оставался в должности до 1906 г. С 1873 по 1884 гг. ежегодно бывал в плаваниях на учебных судах.

са.

В противовес этим преподавателям у нас были такие, которых нам и на ум не приходило изводить, и мы у них на уроках сидели так смиренно, что действительно казалось, что можно было бы услышать, как пролетит муха. Кто из бывших кадет не помнит высокоуважаемых математиков Б. и С. (вероятно, Сухомель. – *Примеч. ред.*)¹⁶ астрономов Ш. и Б. (Безпятав Михаил Михайлович. – *Примеч. ред.*)¹⁷ и навигатора

---

¹⁶ Сухомель Вацлав Модестович (09.02.1864—01.1942), флота генерал-майор за отличие (14.04.1913). Окончил Морское училище (1883), механический отдел Николаевской морской академии (1886). Штатный преподаватель Морского кадетского корпуса с 30.09.1896 по 1918 г. В 1918–1920 гг. – начальник Управления морских учебных заведений. Умер в Ленинграде во время блокады, похоронен на Смоленском кл.

¹⁷ Безпятав Михаил Михайлович (30.07.1863—?), флота генерал-майор за отличие (14.04.1913). Окончил Морское училище (1883), гидрографическое отделение Николаевской морской академии (1900). Младший (с 26.10.1891), старший (16.08.1896—01.07.1904) отделенный начальник Морского кадетского корпуса. Начальник Архангельского торгового морского училища (1904–1909). Штатный преподаватель астрономии в Корпусе (03.08.1909–1918), затем – на Курсах командного состава и в Училище командного состава флота (1918–1921); в Военно-морском училище – помощник начальника учебной части (с 1921), помощник начальника учебного отдела (1923–1925), штатный преподаватель (с 1925). Б... фигурирует в целом ряде мемуаров. Одно из первых о нем упоминаний принадлежит перу гардемарина П.А. Вырубова, писавшего отцу 3 июня 1898 г. с учебного судна «Верный»: «Состав офицеров прекрасный. Корпусным офицером с нами пошел фанатик астрономии Михаил Михайлович Б-ов; он нас порядочно изводит своей астрономией; впрочем, во всем остальном он милейший человек» (*Вырубов П.А. Десять лет из жизни русского моряка, погибшего в Цусимском бою (В письмах к отцу). 1895–1905. Киев, 1910. С. 20).*

В. (Вагнер. – *Примеч. ред.*)¹⁸. Особенно мы трепетали перед математиком Б., хотя тот был очень маленького роста и по наружности совсем не страшный. Когда он вызывал к доске и начинал сердиться на непонятливого кадета, то у того душа уходила в пятки, и он окончательно все путал, а Б., выведенный из терпения, кричал что-нибудь вроде: «Вас, наверное, в молодости мамка уронила» или «вашей головой сахар кололи». Если же кого-нибудь ловил со шпаргалкой или в списывании у соседа во время классной работы, то немедленно ставил единицу и выгонял из класса. Даже рассказывали случай, что, когда один кадет его уж очень рассердил, он того не только вышиб из класса, но и коленом помог выходить, да еще так энергично, что двери сами распахнулись. Но зато мы у него отлично знали предмет, тем более что он и преподаватель был превосходнейший.

Противоположностью Б. был математик С. – поляк по происхождению и сама любезность в обращении. Особенно же он становился вкрадчив и любезен, когда вызванный к

---

¹⁸ Вагнер Петр Николаевич (10.05.1862–1932), генерал-майор по Адмиралтейству за отличие (06.12.1913), переведен во флот (03.02.1914). Сын известного профессора и писателя Н.П. Вагнера (1829–1907). Окончил Морское училище (1883), гидрографический отдел Николаевской морской академии (1890), Императорскую Академию художеств (1899). Младший (с 08.10.1890), старший (с 24.03.1903) отделенный начальник, штатный преподаватель (с 19.04.1904) Морского кадетского корпуса. Начальник Курсов гардемарин флота (1916–1917). Заведующий (1918–1920), начальник (1920–1923) Класа гидрографов, начальник Военно-морского гидрографического училища (1923). Художник, ученик А.И. Куинджи.

доске кадет ровно ничего не знал. Тогда С. выражал столько сожаления и сочувствия, что отвечающий даже на один момент воображал, что его с миром отпустят на место, но не тут-то было, любезность оставалась любезностью, а жирная единица появлялась в журнале. За такие, несколько иезуитские, приемы его не слишком-то любили, но сильно боялись и всегда особенно тщательно изучали его предмет.

Глава третья

Своеобразная атмосфера Корпуса сразу поглотила и меня. Появились особые интересы, новые взгляды на вещи и страстное желание поскорее сделаться «настоящим кадетом».

Конечно, первым условием для этого было бы надеть форму, а это, как я упоминал выше, свершится только 6 ноября, в день корпусного праздника, до которого оставалось еще два месяца. Об этом дне мы между собой много говорили, и всякий строил свои планы. Но вот наконец и дождались: мундиры были заранее подогнаны, пуговицы начищены, и бляхи портупей блестели, как солнце. Новые кадеты чувствовали себя в форме вполне счастливыми.

Церемония праздника, день св. Павла Исповедника, началась с богослужения в красивой корпусной церкви. Две младшие роты, которые не входили в состав батальона, присутствовали в церкви, а остальные роты, в новых мундирах, высоких сапогах и с ружьями, выстраивались в обширной столовой, из которой все столы, конечно, были вынесены. На богослужение обычно приезжали: генерал-адмирал, начальник Главного Морского штаба, члены Адмиралтейств-Совета и вообще адмиралы и морские офицеры, находившиеся в Петербурге и Кронштадте. После богослужения обе младшие роты быстро выводились в столовую и выстраивались за

батальоном.

В это время все начальство, в полной парадной форме, медленно шло через музей туда же. Когда генерал-адмирал в сопровождении директора Корпуса входил, батальонный командир, старик генерал-майор Д. (Давыдов Василий Алексеевич. – *Примеч. ред.*)¹⁹, командовал: «Батальон, слушай, на-краул» и подходил к нему с рапортом. После этого генерал-адмирал обходил фронт, здоровался и поздравлял с праздником. Особенно он останавливался перед младшей ротой и многих новичков расспрашивал, как их зовут, из каких они семей и т. д. Если встречались кадеты со знакомыми морскими фамилиями, то он часто вспоминал их отцов, с которыми встречался по службе. После обхода фронта было краткое молебствие, и затем батальон проходил церемониальным маршем мимо генерал-адмирала, а за батальоном и обе младшие роты.

Этим кончался парад, и кадеты расходились по своим помещениям, а в столовой быстро расставлялись уже заранее накрытые столы, так что в 12 часов дня все роты опять вводились и чинно становились у своих столов. В углу, у брига,

---

¹⁹ Давыдов Василий Алексеевич (05.03.1842—05.03.1905), генерал-лейтенант по Адмиралтейству в отставке (10.03.1903). Окончил Морское училище (1860), в котором затем служил с 1871 г.: младшим отделенным начальником (1871–1873), старшим отделенным начальником (1873–1875), ротным командиром (с 03.05.1875), заведующим строевой и хозяйственной частями (с 27.09.1891 до отставки), а с 25.02.1902 и до прихода Г.П. Чухнина исполнял обязанности директора.

накрывались особые столы для почетных гостей.

Меню этого обеда было глубоко традиционным и состояло из трех блюд: борща с кулебякой, гуся с яблоками и пломбира, кроме того, всем полагались полуфунтовые коробочки с конфетами. Сами коробочки были особенные – с гербом Корпуса, и все кадеты обязательно их приносили домой. Во время обеда играл наш оркестр, который считался одним из выдающихся в Петербурге. Самым замечательным блюдом был гусь с яблоками – в память тех гусей, которых однажды на праздник Корпуса прислала Императрица Анна Иоановна, и с тех пор они стали традиционным блюдом 6 ноября.

В конце обеда старший из присутствующих произносил тост за Государя Императора, покрываемый оглушительными криками «ура». Затем следовали тосты за генерал-адмирала, директора Корпуса и т. д. и читались приветственные телеграммы. Этим обед оканчивался, и по сигналу гардемарин и кадет выстраивали во фронт перед столами. Генерал-адмирал прощался, и все гости проходили вдоль фронта, после чего нас уводили по ротам и до бала отпускали по домам.

Первый праздник на нас, новичков, произвел сильное впечатление. Все эти блестящие, золотом шитые мундиры, эполеты, ордена и сабли так красиво играли в лучах солнца, снопами врывавшихся в огромные окна столовой! Ровные ряды батальона, в новых мундирах и фуражках, и блеск штыков. Красивое корпусное знамя, старенькое, совершенно об-

трепанное от ветхости и походившее на выдержавшее много сражений. Все это наполняло умилением юные души, которые так рвались скорее влиться в общую морскую семью и под впечатлением увиденного проникались особым чувством ко всему, что принадлежало флоту. Невольно мы проникались все большей любовью и к самому Корпусу, из стен которого вышли все эти седые адмиралы, которых мы видели на празднике, и нам тоже хотелось сделаться выдающимися морскими офицерами и спустя годы также присутствовать на празднике Корпуса.

После обеда сразу же начинались лихорадочные приготовления к известному всему Петербургу балу Морского корпуса. Им открывался петербургский бальный сезон, и на него вывозились барышни, которые впервые начинали выезжать. Бал был нашей гордостью, и мы прилагали огромное старание, чтобы все выходило возможно красивее и веселее. Младшие роты, конечно, никакого участия в украшениях зала и других приготовлениях не принимали, главные заботы ложились на старших гардемарин. Это был их бал, последний перед выпуском.

Для гостей открывались почти все ротные помещения. Необходимо было превратить их в уютные гостиные, буфеты и танцевальные залы. Времени для этого оставалось совсем мало, и оттого мобилизовались все местные художники под предводительством кого-нибудь из корпусных офицеров, понимавших в этом толк. Каждое помещение, точ-

но по волшебству, превращалось в подводное царство, царство льдов, тропический уголок, хвойный лес и так далее, насколько хватало фантазии и средств. Главная же трудность заключалась в том, чтобы не повториться и не походить на прошлые годы.

К 8 часам вечера все уже должно быть готовым к приему гостей, которых набиралось до трех-четыре тысяч. Все кадеты и гардемарины были налицо: кто стоял у входных дверей и проверял билеты, кто находился в буфетах, кто в танцевальных залах, а кто и просто толкался по всем направлениям или ждал приезда своих знакомых. Так называемые «распределители» имели особые значки, которые сами выдумывали и чаще всего делали из лент цветов Андреевского флага, пропущенных под левый погон, в виде аксельбантов, и завязанных бантом с лежащим на нем золотым якорем.

Новички к началу съезда гостей уже успевали, конечно, всюду побывать. Осмотрели музей с бесконечным количеством корабельных моделей и чертежей старых и новых кораблей, коллекциями минералов, раковин, кораллов и медалей, прежними формами Корпуса и предметами вооружения военных судов. Осмотрели убранство помещений и не забыли бриг «Меркурий», который по случаю праздника был в полном блеске: с поставленными парусами, с красивым георгиевским флагом на гафеле и длинным вымпелом на грот-брам-стеннге. Очень соблазнительно было полазать по вантам, да это строго запрещалось. Наконец, совсем уже устав-

шие, неслись к выходу смотреть на приезжающих.

Вот съезд начался. Потекли бесконечные ряды одетых в зимнее пальто и ретонды дам в чепцах и теплых платках, в сопровождении офицеров и штатских. Вся эта вереница то-ропилась прежде всего попасть в классы, где были устроены раздевални, и оттуда роскошно одетой толпой непрерывно направлялись в главный зал. Каких тут только не было туалетов: белые, голубые, розовые, зеленые, всех оттенков и цветов радуги, декольтированные и закрытые, с драгоценными украшениями и без них. Из этих туалетов выглядывали то строгие лица мамаш и тетушек, то веселые и сияющие девичьи личики. Мужчины были тоже во всем блеске своего величия, морские мундиры перемешивались с сухопутными; кое-где мелькали и фраки. Каких только эполет тут не было, каких лент и орденов!

Эта красивая и пестрая картина в первый раз меня совершенно ошеломила: я никогда еще не видел такого блестящего зрелища. Как ни велик был наш зал, как ни обширны многочисленные помещения, предоставленные для гостей, но все же места не хватало, и с большим трудом удавалось продвигаться вперед. Только мы тогда еще были такого маленького роста, что могли успешно шмыгать между парами.

Теперь наш главный интерес сосредоточивался на танцах, которые в первый раз мы видели на балу. Огромный зал был полон парами, красиво кружащимися под плавные звуки музыки. Один танец сменялся другим, и казалось, что все сли-

вається в одно неперервне движение. Томные, нежные звуки вальсов захватывали душу, хотелось слиться с этими кружащимися парами и без конца танцевать.

Вся эта роскошь туалетов – шелка, бархат, кружева и драгоценности, запах духов, блеск военных форм – пьянила душу и наполняла ее восторгом. Мне казалось, что я попал в какое-то волшебное царство, и долго не мог оторваться от этого зрелища. Не скоро я стал различать отдельные лица танцующих и, когда наконец освоился, даже не заметил прелестное личико молоденькой барышни, которая шла под руку с кадетом.

Так незаметно время перешло за полночь, и, утомленный всеми впечатлениями, теснотой и жарой, я решил идти домой. Довольно было на первый раз перечувствовано, и, наверное, в последующие годы эти впечатления не будут уже такими яркими и бал не будет казаться таким великолепным и интересным.

Быстро сбегав в роту за шинелью, я вышел на набережную и полной грудью вдохнул свежий морозный воздух. Была чудная лунная ночь. Всего несколько дней тому назад выпал снег, и потому улицы и крыши казались в темноте совершенно белыми. Мне приходилось идти с Васильевского острова на Кирочную улицу – большое расстояние, но от полноты чувств хотелось пройтись пешком и подышать свежим воздухом. Да и как красива набережная Невы в такую ночь! Ровный ряд огней газовых фонарей, слабо освещающих гра-

нитные плиты панелей, дворцы, особняки, Адмиралтейство, Исаакиевский собор, на другой стороне темнеющая Петропавловская крепость. Все покрыто снегом и освещено бледным светом луны, а внизу чернеет Нева, и по ней плывут большие льдины, медленно налезая друг на друга, издавая какой-то особый скрип и треск. Точно какие-то сказочные чудовища борются между собой. Я всегда любил Петербург, и он был дорог моему сердцу, но еще сильнее я любил его в эти ночи: он казался таким таинственным, особенным.

Пока я шел по набережной, мне навстречу летели роскошные сани, запряженные парой или одиночкой, попадались и скромные извозчики, везущие сонных седоков, закутанных в меховые воротники шуб, изредка шли пешеходы. Кое-где в окнах роскошных особняков еще виднелся свет, и там, по-видимому, шло веселье. Хотелось подняться с земли и взглянуть, что происходит за этими зеркальными окнами и спущенными шторами.

Я незаметно подошел к Летнему саду, свернул на набережную Фонтанки, на Сергиевскую улицу, дошел до Воскресенского проспекта и наконец был дома. С удовольствием лег я в кровать. Завтра можно было долго спать, так как после бала нам давали день отдыха.

Глава четвертая

После корпусного праздника жизнь быстро вошла в свою колею и потянулась обычным, строго размеренным темпом, чередуясь уроками, строевыми учениями, едой и сном. Один день походил на другой как две капли воды, и оттого время летело быстро. Мы скоро привыкли к обстановке, перезнакомились друг с другом, сдружились между собой и чувствовали себя в Корпусе, как дома.

Несмотря на распущенность, царившую в Корпусе, нравы воспитанников были совсем негрубые, и никаких избиений новичков и слишком злых издевательств не было и в помине. Впрочем, и начальство строго следило за этим и никогда ничего подобного не допустило бы. Не было у нас и притеснения младших старшими, этого знаменитого «цука» Николаевского кавалерийского училища. Но, конечно, иногда случались единичные драки и общие побоища, когда одна рота шла на другую. Были также и среди кадет такие злополучные личности, которые как бы сами напрашивались на то, чтобы к ним приставали, и иногда эти приставания переходили в систематическое избиение. Но это было редко и всегда вызывалось характером самих же жертв, и за все шесть лет пребывания в Корпусе я наблюдал только два таких случая. В обоих объектами были несимпатичные и в значительной степени испорченные мальчики.

Недоразумения между ротами тоже были редки и обычно происходили из-за пустяков вроде того, что на дворе не поделят саней для катания с гор или кто-нибудь из младшей роты позволит себе толкнуть или обругать кадета старшей. Но это случалось только между младшими ротами. Например, когда я был в 3-й роте, у нас одно время шла война с кадетами 4-й, и мы устраивали походы на малышей: наибольшие драчуны старались, забравшись в помещение 4-й роты (что начальством строго воспрещалось), напасть на первых попавшихся маленьких врагов и их отдубасить, быстро скрывшись. При этом, чтобы не быть узнанным, на головы накидывались бушлаты. Такие набеги далеко не всегда благополучно сходили и для самих нападающих, и нередко бывали случаи, что им приходилось встречать сильный отпор и ретироваться очень помятыми, с «фонарями» и синяками.

Почти каждый год в Корпусе свирепствовала эпидемия брюшного тифа, и главный процент больных приходился на вновь поступивших. Отчего появлялась эта эпидемия, кажется, доподлинно начальство не могло доискаться, но говорили, оттого что у нас был свой водопровод и трубы проложены против Корпуса, т. е. в месте, где Нева уже успела пройти весь город. Правда, строго запрещалось пить сырую воду, и всюду стояли специальные баки с кипяченой, но, по видимому, этих мер было недостаточно, и следовало поставить более усовершенствованные фильтры. Но борьба с эпидемиями не приводила к полной победе, и тиф ежегодно уно-

сил одну или две жертвы.

Одним из первых заболел я²⁰, и меня положили в тифозную палату нашего прекрасного лазарета. Кругом были все тяжелые больные. Помню, рядом со мной лежал мой товарищ по фамилии Телегин, который заболел тифом еще в более тяжелой форме, чем я. Он все метался по кровати и бредил. Я сам несколько дней был без памяти и только изредка приходил в себя и с трудом узнавал, где нахожусь. В эти моменты я с удивлением наблюдал моего соседа и никак не мог понять, что он мне говорит, так бессвязны и отрывисты были его слова.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то наклонился надо мной и что-то шептал. Открыв глаза, я увидел нашего священника в черной рясе, читавшего надо мной молитву. Затем услышал голос сестры милосердия:

– Не тот, батюшка, а вот который рядом, с другой стороны.

А батюшка на это ответил:

– Ну, ничего, я ошибся.

Потом я узнал, что батюшку пригласили напутствовать Телегина, которому стало очень плохо, и он, не разобрав, где тот лежит, наклонился надо мной и стал напутствовать меня. На следующий день бедный Телегин умер, и, когда я оконча-

---

²⁰ Согласно записи в аттестационной тетради, кадет Гаральд Граф болел не тифом, а гриппом (заболел 30.11.1898, выписан 02.01.1899, уволен домой для поправки) (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 545)

тельно пришел в себя, его уже рядом со мною не было²¹. Но эта ошибка нисколько не поразила, и мне не стало ни страшно, ни неприятно, так как в тот момент все казалось безразличным, далеким и ко мне не относящимся. В голове появлялись какие-то обрывочные образы, которые непрерывно мешались между собой, кружились, исчезали и вновь возникали. Все хотелось пить, пить и пить. Иногда виделось что-то вроде ручья с заманчивой студеной водою; бутылки, из которых разливалась какая-то вкусная жидкость или целые бочки с водою, но всегда что-то мешало утолить ужасную, томящую жажду. По-видимому, я изредка стонал, и в ответ раздавался глухой женский голос: «Чего вам?» «Пить», – просил я, и мне давали что-то пить, что, однако, освежало лишь на мгновенье. Потом опять начиналось забытье, которое тянулось неизвестно как долго, точно я носился в каком-то бесформенном пространстве, без начала и конца. Время летело, и я его не замечал. Кругом были мрак и тишина.

Так длилось около десяти дней, и вдруг мне показалось, что я проснулся от какого-то долгого, кошмарного сна. По-видимому, было раннее зимнее утро, и свет только чуть-чуть брезжил через щели опущенных штор. Кругом стояли рядыми кровати, на некоторых лежали больные, и было совсем тихо.

Несказанно приятно было сознавать, что я проснулся,

---

²¹ Сергей Телегин заболел тифом 1 декабря, скончался 8 декабря 1898 г. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 6808. Л. 2).

ощущать в себе силу и желание жить. Захотелось говорить, есть, вообще что-то делать. Через некоторое время из-за ширм вышла сестра милосердия и пошла по палате, и я ее тихо окликнул. Она подошла ко мне и сказала:

– Ну, слава Богу, кажется, у вас кризис благополучно миновал, а то мы боялись за вас, уж очень вам было плохо, но зато теперь дело быстро пойдет на поправку. Хотите пить?

Как приятно было слышать ее голос. Меня только удивило, что я был так сильно болен, а сам этого совсем не ощущал. И, конечно, мне хотелось пить и особенно есть, чего-нибудь такого вкусного – большую котлету с жареной картошкой, или курицу с рисом, или все равно что, лишь бы побольше. Увы, этим мечтаниям еще не скоро было суждено сбыться, и меня добрых десять дней кормили манной кашей и жидким клюквенным киселем.

После кризиса я действительно быстро пошел на поправку, и уже через две недели мне разрешили встать. Первые дни, с трудом передвигая ноги и шатаясь, я делал несколько шагов от койки к стулу. Все же я не успел окончательно выздороветь к Рождеству, так что этот любимый праздник я провел в лазарете. Помню, мне подарили от Корпуса толстую книгу, в красивом переплете, с описанием народностей, населяющих Балканский полуостров.

Только после Нового года родителям разрешили меня взять на месяц домой, чтобы дать мне окончательно окрепнуть, и я счастливый ехал в карете с замерзшими окнами и

скрипящими колесами по мостовым, покрытым снегом.

Быстро промелькнул месяц, и я снова оказался в стенах Корпуса. Меня очень пугала мысль, смогу ли я нагнать то, что было пропущено за столь долгий срок болезни, и не придется ли из-за этого остаться на второй год. Это было бы тяжело для самолюбия, и потому я никак не мог примириться с такой мыслью. Но опасения оказались напрасными, и я скоро нагнал класс.

Февраль, март и апрель прошли незаметно. Предстояло лето, которое кадеты 4-й роты проводили дома. Оно было уже последним летом каникул, т. к. со следующей роты, до самого выпуска из Корпуса, каждое лето кадеты плавали на отряде судов Морского корпуса.

В конце занятий нам объявили годовые баллы и сказали, кто перешел без всяких задержек, кто имел переэкзаменовки и кто был оставлен на второй год. Я перешел в следующую роту и мог все лето не думать об учении и спокойно отдыхать. С легким сердцем ехал я домой, забрав ворох казенных вещей, которыми снабдили на лето, как весело и спокойно было на душе.

Четыре месяца полной свободы, четыре месяца можно каждое утро сознавать, что располагаешь своим временем, как вздумается, – какое это счастье, какое удовольствие! Наша семья лето проводила на даче в Финляндии, и я с удовольствием предавался всем несложным, приятным и здоровым летним развлечениям: рыбной ловле, катанию на лодке,

купанию, гулянию по лесу и собиранию грибов и ягод.

Время летело незаметно, изредка вспоминался и Корпус, но как-то в тумане, и к нему пока не тянуло. Любимым нашим занятием было делать из дерева модели различных боевых кораблей – с мачтами, трубами и орудиями, строить из них гавани, выводить на чистую воду, устраивать сражения и маневрирование. За этим занятием время проходило особенно быстро. Какой простор для фантазии! Это было тем более интересно, что товарищем в играх был мой двоюродный брат²², тоже кадет Морского корпуса.

Но осень приближалась, и стал чаще вспоминаться Корпус. Перспектива опять засесть за учение не очень-то манила, хотя, с другой стороны, приятно осознавать, что мы уже больше не кадеты младшей роты и в наступающем учебном году получим нашивки на погоны, галуны на рукава и, главное, венец мечтаний каждого из нас, – настоящие палаши.

---

²² Вилькен Виктор Викторович (05.05.1883—24.10.1956), капитан 1-го ранга. Окончил Морской кадетский корпус (1904). Участвовал в Цусимском сражении на миноносце «Грозный». Командовал подводными лодками «Макрель» (1909–1910), «Налим» (1910–1913), старший флаг-офицер штаба начальника Бригады подводных лодок Балтийского моря (1914), старший флаг-офицер штаба начальника Бригады подводных лодок Черного моря (1915), командир подводной лодки «Судак» (1915), и. д. начальника 3-го дивизиона подводных лодок Черного моря (с 18.05.1915). В годы Гражданской войны – на стороне белых; в июне 1920 г. – начальник распорядительной части штаба командующего Черноморским флотом, затем командир Минного заградителя «Буг», с 22.10.1920 – начальник 3-го отряда кораблей Черноморского флота, с 22.11.1920 – командир ледокола «Гайдамак», ушел с эскадрой в Бизерту. В эмиграции во Франции (в 1933–1934 гг. в Тулоне), затем в Германии (Веймар). Умер в Фритцларе.

Короткое финляндское лето быстро пришло к концу, наступила осень, и все понемногу потянулись в город. Мы вернулись в Петербург к половине августа, до начала занятий оставалось еще две недели. Теперь уже все думы вращались вокруг Корпуса.

1 сентября (1899 г. – *Примеч. ред.*), к 9 часам вечера, забрав казенные вещи, я поехал в Корпус. Являться пришлось уже в новое помещение, в 3-ю роту, и там сразу охватила знакомая корпусная атмосфера, и стало очень весело. Приятно было встретиться с товарищами, узнать, кто будет ротный командир и какие дежурные офицеры, где отведут конторку для вещей, кровать и т. д. Мне удалось встать во фронт рядом с моим двоюродным братом, и теперь мы могли спать рядом и сидеть за едой на одном конце стола, чему я страшно обрадовался, так как мы были очень дружны.

В этом году все быстро вошли в обычную колею и зажили корпусной жизнью, но в нас самих была заметна некоторая перемена, и мы не казались уж такими маленькими мальчиками, как в прошлом году. Наши взгляды на многое изменились, и к окружающему мы стали относиться более сознательно. В нас, видимо, произошел перелом, и мы перестали быть детьми. В особенности это замечалось у тех, которые по натуре были более серьезными, любили много читать и думать.

Мои думы улетели вперед, и я мечтал о том времени, когда буду офицером и начну плавать на разных броненосцах,

крейсерах и миноносцах, которые пока знал только по картинкам. Мерещились заманчивые заграничные плавания, и мечталось, что вдруг вспыхнет война и удастся в ней принять участие, попасть в настоящее морское сражение и «заработать» Георгиевский крест. Столько нового, неиспытанного грезилось впереди, и это скрашивало время в Корпусе.

Скоро наступило 6 ноября, и наш выпуск надел мундиры с золотыми нашивками, галунами и палаши. Последние дни перед 6-м мы буквально не могли спокойно спать, так как хотелось скорее получить эти заманчивые палаши. И как все беспокоились, чтобы достался обязательно самый длинный и с красивым эфесом.

Выйдя в первый раз с палашом на улицу, мы себя чувствовали необычайно важными, и хотя во время ходьбы они с непривычки и путались между ногами, зато с каким превосходством мы смотрели на других мальчиков, которые оружия не имели. Особенно щегольским считалось, когда палаш, ударяясь о ногу, издавал дребезжание. В ножны опускался серебряный гривенник, и тогда дребезжание приобретало особую мелодичность и становилось очень громким. Да, стать обладателем настоящего оружия, которым можно убить человека, – это уже было нечто!

В этом году мы начали больше интересоваться барышнями, и многие из нас по воскресеньям посещали своих сестер, кузин и просто знакомых в институтах. Нам доставляло большое удовольствие появляться на этих приемах, конеч-

но, главным образом чтобы показать себя. Впрочем, вообще привлекали эти красивые белые залы с колоннами, уставленные вдоль стен красными бархатными диванами и белыми стульями, на которых сидели институтки и их родственники. Любопытно было, как дежурные институтки подходили и спрашивали, кого вызвать, а три грозные классные дамы, как аргусы, наблюдали, чтобы не нарушались все сложные правила приличия. Нравились, конечно, и сами институтки в зеленых, красных и синих платьях, с белыми передниками и пелеринками, так чинно сидевшие и скромно поглядывавшие по сторонам. Среди посетителей находилось много воспитанников военных учебных заведений: сухопутных кадет, пажей и юнкеров, а также лицеистов и правоведов, и перед ними хотелось щегольнуть формой, которую мы считали красивее других.

Этот год для Корпуса сложился неудачно. Опять произошли принявшие огласку инциденты с начальством, и было даже два случая самоубийств. Один из них произошел в нашей роте.

Этот случай всех страшно взволновал. Однажды, рано утром, дневальный, войдя в карцер, в котором сидел кадет С. (Сукман. – *Примеч. ред.*)²³, нашел его висящим на полотенце, привязанном за решетку, которой кончались стены.

---

²³ Сукман Владимир, кадет 3-й роты Морского корпуса. Повесился 26.02.1900; предполагаемая причина – безответная любовь к сестре одного из кадетов. Спустился год, 19.03.1901, точно так же на полотенце повесился в карцере кадет 3-й роты Михаил Шефнер (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 7020. Л. 1).

Отчего С. покончил с собой, так и не выяснилось. Он оставил записку, что умирает, разочаровавшись в жизни, но какое же может быть разочарование в жизни у мальчика 14–15 лет, который, в сущности, еще не начинал жить.

После этого случая некоторые боялись спать в спальне, которая прилежала к карцерам, и долгое время в них никого не рисковали сажать, пока не произвели полного ремонта. Бедного С. разрешили хоронить по христианскому обряду и даже с воинскими почестями, но рота сопровождала гроб не до самого кладбища, а только полпути и без музыки.

За этим случаем скоро произошел второй – в одной из старших рот застрелился гардемарин²⁴.

Про Корпус в городе пошли нехорошие слухи. Начали все чаще поступать жалобы от сухопутных офицеров, что морские кадеты распушены, недисциплинированны, плохо отдают честь, а когда им делают замечания, грубят. Многое, как всегда, преувеличивалось и перевиралось.

Эти слухи дошли и до Государя Императора, и он призвал генерал-адмирала и повелел расследовать, в чем дело, и привести Корпус в порядок. Генерал-адмирал сам поехал к нам и приказал собрать всех кадет и гардемарин и передал,

---

²⁴ Черняк Яков, кадет 1-й роты Морского кадетского корпуса. В Корпусе с 1897 г. Находясь в отпуске у матери, около 14 ч. 15.10.1900 «выстрелом из собственной берданки лишил себя жизни». Причинами, подтолкнувшими его к такому шагу, стали недавняя смерть отца, «дурная болезнь», а также неуспеваемость, отчасти вызванная долгим нахождением в лазарете (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 6863).

что Государь Император нами очень недоволен и ждет, что мы исправимся. Причем пока ему не будет доложено о нашем исправлении, он не приедет в Корпус, как это делал ежегодно. Затем Великий Князь отдельно собрал начальствующих лиц и говорил с ними в том же духе. Этим посещением мы были страшно потрясены и, в сущности, плохо понимали, что же особенно худого мы сделали.

Правда, мы много шалили, некоторые плохо учились, действительно, на улицах держались иначе, чем кадеты сухопутных корпусов, но ведь это всегда так происходило, и на то мы и были моряками. Нам наше поведение казалось совершенно естественным, и в головах не укладывалось, что надо вести себя как-то иначе. Вот это «непонимание» и являлось главным недостатком, который требовал исправления. Однако в этом были виноваты не столько мы, сколько начальство, которое нам потакало и привыкло к нашему виду и отношению к другим.

Нам казалось, что этот год просто несчастливо сложился. На самом деле Корпус требовал коренных реформ воспитательной системы, и для этого, в первую голову, необходимо было произвести перемены в составе воспитателей и преподавателей.

Важно было, чтобы корпусные офицеры не теряли связи с флотом и только временно прикомандировывались к Корпусу, тогда явилась бы возможность привлекать к службе в нем и лучших строевых офицеров. Приходилось признавать,

что начальство допустило ошибку, образовав из них изолированную касту и дав им сухопутные чины и несколько измененную форму. Даже в плаваниях Корпус не имел прямого общения с флотом, и воспитанники плавали на особом отряде специальных кораблей, которым обычно командовал директор.

В силу всех этих причин Корпус все больше и больше отходил от флота, и нарастал антагонизм между строевыми офицерами и корпусными. Этому способствовало и то, что туда часто шли офицеры не по призванию к педагогической деятельности, а оттого что им не хотелось плавать и жить вне Петербурга. О существовании этого антагонизма воспитанникам было известно, так как многие происходили из морских семей и их близкие были строевыми офицерами; и у нас поэтому зарождалось неуважение к нашим воспитателям.

К сожалению, приходится признать, что тот период был периодом упадка Корпуса, но это вовремя осознали, и за два года до Японской войны высшее начальство обратило серьезное внимание на него, и новое командование Корпус подтянуло, а после Японской войны он снова достиг расцвета.

Многие воспитатели, хорошо памятные для кадет того времени и носившие такие меткие прозвища, постепенно покинули Корпус, и последующие поколения не знали «Кляпа», «Судака», «Шишку», «Мамая», «Вошь», «Обалдуя», «Лабаз», «Федю» и других. С ними отошло доброе старое

время, слишком безмятежное и даже вредное для будущих офицеров флота, но все же своеобразное и милое сердцу.

Глава пятая

Эта зима (1899–1900 гг. – *Примеч. ред.*) так больше ничем и не ознаменовалась, и Государь Император к нам не приехал, как мы его ни ждали. Весь период, пока он ездил по трем корпусам, у нас на всякий случай шли приготовления: расстилались красные ковры, все тщательно прибиралось и воспитанников одевали в голланки первого срока. Мы, полные надежд, ожидали, что Государь каждую минуту может приехать, сидели на уроках, как на иголках, но проходили часы, когда он мог приехать, и нам приказывали переодеваться убирались ковры. Оказывалось, что Государь опять вернулся во дворец, не заехав в корпус. Так повторялось много раз. Очевидно, он продолжал быть нами недоволен и мы еще не заслужили его прощения, и это было тяжело сознавать.

В следующую роту в этом году мы переводились без экзамена, по среднему баллу. В половине апреля нам объявили, кто прошел беспрепятственно, и отпустили в отпуск. Этим летом предстояло совершить первое плавание или, вернее, пройти первые уроки несения морской службы на кораблях и с жизнью на них. Ввиду этого все «плавание» ограничивалось пребыванием на корабле, который стоял на якоре, на закрытом рейде.

С этой целью для кадет 3-й роты были приспособлены –

парусный клипер²⁵, или, как его теперь называли, учебное судно «Моряк» и блокшив «Невка», какой-то бывший пароход со снятыми котлами и машинами. Половина роты жила на «Моряке», а другая на «Невке», и в середине лета происходила смена.

Уход воспитанников Морского корпуса в плавание обычно происходил в начале мая. Рано утром, в назначенный день, все роты приводились фронтом к пристаням Морского министерства, находящегося напротив Корпуса, на другом берегу Невы. Под звуки оркестра мы шли через Николаевский мост, имея на руках различные мелкие пожитки вроде: фотографических аппаратов, биноклей, книжек и т. п.

У пристаней уже собиралась большая толпа народа, среди которой были и наши родственники и знакомые, которые приходили проститься. Кадет рассаживали по мелким пароходикам, которые должны были их доставить на корабли, находившиеся в кронштадтских гаванях. Когда все оказывались на своих местах, начинала играть музыка, и под крики «ура», напутствия родственников и махания платками отваливали от пристаней.

Хотя мы уходили в плавание всего лишь на три месяца, но для тех, кто совершенно не знал моря, уже один факт жизни на кораблях казался опасным, и оттого родители сыновей не из морских семей боялись за них.

---

²⁵ «Моряк» никогда не был клипером, это учебное судно специальной постройки.

Наша рота попала на старенький колесный пароход «Ижора», замечательный тем, что по временам машина одного колеса работала сильнее машины другого, и оттого пароход внезапно бросался то в одну, то в другую сторону, и казалось, неизбежно должна была произойти катастрофа, но рулевые уже так привыкли к этой особенности, что вовремя умели остановить эти шалости машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.